

КОГНИТИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕДЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

© Е. В. Болотова

*Башкирский государственный университет
Стерлитамакский филиал*

Россия, Республика Башкортостан, 453103 г. Стерлитамак, проспект Ленина, 49.

Тел.: +7 (917) 449 24 19.

Email: patskova.elena@yandex.ru

В данной статье рассматривается предельность как аспектуальный признак с точки зрения когнитивистики. Материалом для исследования служит немецкий язык, в котором предельность-непредельность относится к лексико-грамматическим разрядам. Прототипические аспектуальные значения предельности-непредельности образуют когнитивные корреляции. Ментально предельность – само изменение состояния действия – связано с неким динамизмом. Соответственно непредельность понимается как адинамичное, нединамичное и даже статичное – имеется в виду неизменчивость процессного или процессуального состояния. Признак стативности может опосредованно влиять на общую контекстуальную процессуальность. Предельность выступает как смысловой компонент сложной концептуальной организации текста. Мы полагаем, претерит усиливает значение предельности. Концептуальное поле указывает на ментальную двухуровневость и конституируется различными языковыми маркерами: морфологическими, лексическими, стилистическими, синтаксическими.

Ключевые слова: *предельность, непредельность, аспектуальность, прототипические значения, стативный признак, претерит.*

В современной лингвистике накоплен достаточно большой опыт описания аспектуальности. Данная категория исследована в русистике, германистике с различных позиций.

Несмотря на широкомасштабность существующих аспектологических исследований, все более актуальными становятся вопросы, касаемые смысловой, идейно-содержательной организации аспектуальной категориальности в языке и речи.

В соответствии с разработанными в лингвистике А. В. Бондарко принципами функциональной грамматики аспектуальность, как и любая семантическая категория, грамматически релевантная, рассматривается в трех ипостасях: общесмысловой (понятийной), системно-языковой и контекстно-речевой [1–4]. Категория аспектуальности понимается как «функционально-семантическое поле, конституируемое взаимодействующими языковыми средствами (морфологическими, словообразовательными, лексико-грамматическими, лексическими и их разнообразными сочетаниями), объединенными общностью семантических функций, которые принадлежат к области аспектуальных отношений, т.е. отношений, содержание которых заключается в передаче характера протекания и распределения действия во времени» [1, с. 76]. Понятие аспектуальности имеет тесную связь с «внутренним временем действия» ... «В узком понимании область аспектуальности охватывает все характеристики действия с точки зрения наличия / отсутствия в его проявлении временной перспективы. В более широком понимании к аспектуальности относят все типы протекания и распределения действия во времени (фазовость, интенсивность, динамичность, статичность, отношение и др.)» [5, с. 38–39].

Целеполаганием в нашей статье является расстановка акцентов на когнитивно-дискурсивной сущности категории аспектуальности, ее концептуальной взаимосвязанности. Когнитивный подход к изучению языка как к средству получения новых знаний об окружающей действительности позволяет по-новому воспринимать уже известные языковые явления [9, с. 9]. Когнитивия включает познание и интерпретацию в широком смысле [6].

В качестве материала для исследования взят немецкий язык, в котором аспектологические понятия

предстают иерархично в виде нисходящей по степени обобщенности линии: аспектуальность (межуровневое понятие) – вид (морфологическое понятие) – предельность-непредельность (лексико-грамматические разряды) – характеризованные и нехарактеризованные события действия [8, с. 107].

Р. В. Зандвоорт отмечает необходимость рассмотрения вида в славянских языках как абсолютной стандартной категории, но при изучении аспектуальности в неславянских языках – как общеязыковой металингвистической категории [9]. В связи с этим существует различие между понятием вида в узком смысле и понятием аспектуальности в широком смысле, присущего немецкому языку, в котором данная категория является функционально-семантическим полем без грамматического ядра. «Вид представляет собой особую разновидность в категории «аспектуальности» в широком смысле слова» [10, с. 338]. О. И. Москальской признаки вида в немецком языке также рассматриваются с позиции лексико-грамматической категории, не обладающей регулярными способами выражения [11].

В германистике термины «perfektiv – imperfektiv» включают в себя оппозицию грамматического уровня «совершенный вид – несовершенный вид», а также семантическую или лексико-грамматическую категорию предельности-непредельности.

Прототипические аспектуальные значения предельности-непредельности образуют когнитивные корреляции.

Предельность на понятийном уровне ассоциируется с результатом действия, процесса. По-нашему мнению, в понятии предельность-непредельность действия онтологически заложен признак состояния (или стативность). Любое предельное действие обладает состоянием изменчивости: действие, процесс как нечто осуществляемое, исполняемое, происходящее – это так называемая экзистенциальная форма его состояния; предполагаемое, мыслимое наступление предела действия – это уже изменение формы его экзистенциальности, т.е. существования.

Ментально предельность соотносится, скорее всего, с динамичностью: само изменение состояния действия связано с неким динамизмом. Соответственно непредельность понимается как адинамичное, нединамичное и даже статичное – имеется в виду неиз-

менчивость процессного или процессуального состояния. Хотя показатель неизменчивости состояния тоже может восприниматься неоднозначно. Так, неопределенные глаголы, семантика которых не содержит указания на предел обозначаемого ими действия, *leben* и *sitzen*, неодинаково соотносимы с тонким смысловым признаком неизменчивости состояния. Если «*sitzen*» мы можем неоспоримо приписать статичность, то с глаголом «*leben*» данный признак несопоставим.

Такое понимание предельности-неопределенности согласуется с «инцептивной» трактовкой совершенного вида (СВ): любой глагол СВ обозначает смену состояния, т.е. его семантика обусловлена идеей начала или конца [12–13]. Ср.: Художник нарисовал картину / Мастер выполнил работу → Картина начала существовать так же, как, предположим, появилось на свет что-то, выполненное мастером в результате его работы. «Видовую совершенность» глагольного действия в данных предложениях можно интерпретировать как «наброски художника приобрели завершённый вид» и «начатая работа доведена до конца». Однако, как полагает Г. М. Зельдович, «и «инцептивная» теория, и теория предельности страдают тем принципиальным изъяном, что не позволяют четко отграничить от совершенного вида несовершенный. Как идея «начала», так и идея достигнутого предела часто выражаются несовершенным видом ... столь же недвусмысленно, сколь и совершенным» [14, с. 34].

На наш взгляд, признак стативности может опосредованно влиять на общую контекстуальную процессуальность. Это подтверждается в анализе, например, следующего фрагмента художественного текста:

(1) *Patrice Hollmann würgte ein paar Male den Motor ab. Sie knöpfte ihre Pelzjacke auf. „Mir wird warm dabei! Aber ich muss es lernen!“ Sie saß eifrig und aufmerksam am Steuer und beobachtete, was ich ihr vormachte. Dann fuhr sie mit aufgeregten, kleinen Ausrufen ihre ersten Kurven und hatte vor entgegenkommenden Scheinwerfern Angst wie vor dem Teufel, und ebensoviel Stolz, wenn sie glücklich passiert waren. Bald entstand in dem kleinen, vom Licht des Schaltbrettes halb erhellten Raum ein Gefühl von Kameradschaft, wie es sich rasch bei technischen und sachlichen Dingen einstellt, – und als wir nach einer halben Stunde die Plätze wechselten und ich zurückfuhr, waren wir vertrauter miteinander geworden, als wenn wir einander unsere ganze Lebensgeschichte erzählt hätten (E. M. Remarque. Drei Kameraden).*

В данном художественном текстовом фрагменте – в преобладающем большинстве предельные глаголы, функционирующие самостоятельно либо составляющие основу других частей речи, которые также влияют на создание общего смыслового фона всего фрагмента. Ср.: *würgte ... ab* (предельность), *knöpfte ... auf* (предельность), ... *vormachte* (предельность за счет префикса *vor*), *mit aufgeregten* (партицип II, основа – предельный глагол) *Ausrufen* (субстантивированный глагол, предельность), *vor entgegenkommenden* (партицип I, основа – предельный глагол) *Scheinwerfern* (основа второго компонента сложного слова – предельный глагол), *passiert* (партицип II, основа – предельный глагол) *waren, entstand* (предельный глагол), *sich einstellt* (предельность), *wechselten* (предельность), ... *zurückfuhr* (предельность за счет префикса «*zurück*»). Нарративная сюжетная линия развивается здесь согласно канонам немецкой грамматики в претерите. Благодаря претеритальной предельности процессуальная картина в выше приведенном тексте оживляется, точнее, – предстает как неделимое стативным признаком контекстное явление.

Пропозиционально признак стативности выступает одной из базовых семантических составляющих концепта, соотносимого с текстом (1) и неявляющегося первичным. Доминирующая претеритальная предельность, характерная для текста (1), влияет на создание концептуальной почвы, в которой объективируется ситуация обучения вождению машины. Предельность как аспектуальный признак, проявляющаяся здесь в претерите, в сочетании с другими языковыми показателями (например, лексемы-категоризаторы ситуации: *Motor, Steuer*, фразовые категоризаторы: *den Motor abwürgen, (ihre) ersten Kurven fahren*; модальное выраженное предложение *Aber ich muss es lernen!*; стилистический прием сравнения: *Angst wie vor dem Teufel haben*; квантитатив *ein paar Male (den Motor abwürgen)*, квалитативы, сообщающие о качестве действия: *eifrig und aufmerksam (sitzen)* и др.) способствует идентификации реальной ситуации. Используя терминологию Т. В. Белошапковой [15], фрейм «Человек», присущий анализируемому текстовому фрагменту, мы полагаем, можно обозначить как тематический фрейм.

Претеритальная предельность, объективирующая реальную ситуацию обучения вождению машины, одновременно кодифицирует внутреннее состояние обучающегося (героини Патриции). Первичная информация, представленная фреймом «Человек», контекстуально соотносима с под-фреймами или фреймовой ситуацией «Человек и техника / Человек и машина», «Женщина и техника / Женщина и машина», что также латентно составляет вторичную информацию. Данный фрейм и под-фреймы или фреймовая ситуация являются образующими концептосферы «радость», «гордость», «победа», «преодоление», которая характеризует вторичный концепт «Чувства» (или, рассматривая шире, концепт «Душа»).

Признак стативности, присущий претеритальной предельности, вызывает представления о чувствах, эмоциях, впечатлениях субъекта-носителя предельной процессуальности, осуществляющейся в претерите, и как бы невидимой нитью проходит через весь данный текстовый фрагмент (1). Это – так называемый вторичный уровень осмысления содержания текста.

Если попытаться спроецировать контекстуальную пропозицию (пропозиция – когнитивная модель нашего понимания контекста) целого фрагмента, то концептосферы первичного и вторичного уровней окажутся наложенными друг на друга, поскольку ментально они неразделимы и между ними существуют очень тесные взаимоотношения. Такое взаимодействие можно, пожалуй, обозначить как концептуальная идиосинкразия.

Концептуальное поле – точнее, ввиду ментальной двухуровневости, пространство анализируемого нами текста конституировано различными языковыми маркерами: морфологическими, лексическими, стилистическими, синтаксическими. Сюда следует отнести морфологическое явление субстантивации (*Ausrufen*), а также использование в одном контексте функционально, прагматически равнозначных, формально – разных частей речи (например, *würgte ... ab* – глагол, *passiert* – партицип II, *Scheinwerfer* – субстантив).

Стативность рассматривается нами как ингерентный признак аспектуальной предельности: в настоящей статье не анализируется стативность как одна из акционсартных разновидностей, т.е. разновидностей способов действия.

Изначально предельность является, об этом сказано выше, лексико-грамматическим понятием, что означает, что грамматическая характеристика данной категории должна исследоваться с учетом ее лексиче-

ской наполняемости. В вышеозначенном фрагменте (1) предельность трактуется нами как смысловой компонент сложной концептуальной организации текста (здесь уместнее, по-нашему мнению, употребить понятие дискурса, поскольку, если речь идет о концептуализации текста, то сам факт обращения к данному вопросу превосхищает синтез различных языковых и речепорождающих механизмов, среди которых – понятийно-смысловые).

Претерит, на наш взгляд, усиливает значение предельности, т.к. претериту генетически свойственно указывать на завершение, законченность какого-либо действия, процесса в момент, являющийся прошлым по отношению к настоящему, в котором ведется отсчет. Иными словами, даже если действие, выраженное претеритом, не закончилось в действительности, в настоящем оно может рассматриваться как происшедшее, имевшее в прошлом место.

Таким образом, претеритальная предельность задействована в создании сложноструктурированной концептуальной картины текста. При этом немаловажную роль играет стивный признак, обуславливающий предельность в претерите.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. (изд. 2-е, стереотипное, М., 2001). 208 с.
2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. 133 с.
3. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. 219 с.
4. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999 (доп. изд-е, СПб., 2001). 260 с.
5. Шелякин М. А. Аспектология // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997. С. 38–39.
6. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: изд-во МГУ, 1992. 336 с.
7. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17–33.
8. Мурысов Р. З. Сопоставительная морфология немецкого и башкирского языков. Глагол. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 174 с.
9. Zandvoort R. W. Is «Aspekt» an English Verbal Category? Gothenberg studies in English 14. Gothenborg, 1962.
10. Степанов Ю. С. Славянский глагольный вид и балтийская диатеза: (Проблемы генезиса и реконструкция) // Славянское языкознание: Доклады советской делегации на VIII Международном съезде славистов. М., 1978. С. 335–363.
11. Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка: учеб. для вузов. М.: Академия, 2004. 352 с.
12. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. 480 с.
13. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. 464 с.
14. Зельдович Г. М. Семантика и прагматика совершенного вида в русском языке // Вопросы языкознания. 2002. №3. С. 30–61.
15. Белошапкина Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке: автореф. д-ра филол. наук. М., 2008.

Поступила в редакцию 01.04.2015 г

**THE COGNITIVE REPRESENTATION OF THE LIMIT IN THE TEXT
(IN THE GERMAN LANGUAGE)**

© E. V. Bolotova

*Bashkir State University, Sterlitamak branch
49 Lenin St., 453103 Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (917) 449 24 19.
Email: patskova.elena@yandex.ru*

In this article, the limit is discussed as an aspectual sign with the cognitive point of view. The material for the study is the German language, where the limit-unlimit refers to the lexical-grammatical classes. The prototypical aspectual meanings of the limit-unlimit form cognitive correlations. We think that the sign of state (or stative) is ontologically included in the concept of limit-unlimit of the action. Any limit action owns the state of the variability. Mentally limit – as a change of state of an action – is associated with a certain dynamism. Respectively, unlimit is understood as adynamic, non-dynamic, even static – it is understood as constancy of the process or procedural state. The sign of the stative can indirectly affect the overall contextual process. The propositional sign of the stative is one of the basic components of the semantic concept(s) correlated with the text. Limit acts as a semantic component of the complex conceptual organization of the text. We consider that the preterite reinforces the value of the unlimit. The conceptual field points to a two-level mental and constitutes different linguistic markers: morphological, lexical, stylistic, and syntactical.

Keywords: *the limit-unlimit, aspectuality, the prototypical meanings, the stative sign, the preterite.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Bondarko A. V. Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii [Principles and functional grammar and questions of aspectology]. Leningrad, 1983. (izd. 2-e, stereotipnoe, Moscow, 2001).
2. Bondarko A. V. Funktsional'naya grammatika [Functional grammar]. Leningrad, 1984.
3. Bondarko A. V. Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii [The problems of grammatical semantics and Russian aspectology]. Saint Petersburg, 1996.
4. Bondarko A. V. Osnovy funktsional'noi grammatiki: Yazykovaya interpretatsiya idei vremeni [Basics of functional grammar: Language interpretation of the idea of time]. Saint Petersburg, 1999 (dop. izd-e, Saint Petersburg, 2001).
5. Shelyakin M. A. Aspektologiya. Russkii yazyk: Entsiklopediya. Moscow, 1997. Pp. 38–39.
6. Kibrik A. E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaviya (universal'noe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke) [Essays on problems of general and applied linguistics (universal, typical, and specific in a language)]. Moscow: izd-vo MGU, 1992.
7. Dem'yankov V. Z. Voprosy yazykoznaviya. 1994. No. 4. Pp. 17–33.
8. Muryasov R. Z. Sopostavitel'naya morfologiya nemetskogo i bashkirskogo yazykov. Glagol [Comparative morphology of German and Bashkir languages. The verb]. Ufa: RIO BashGU, 2002.
9. Zandvoort R. W. Is «Aspekt» an English Verbal Category? Gothenberg studies in English 14. Gothenborg, 1962.
10. Stepanov Yu. S. Slavyanskoe yazykoznavie: Doklady sovet-skoi delegatsii na VIII Mezhdunarodnom s'ezde slavistov. Moscow, 1978. Pp. 335–363.
11. Moskal'skaya O. I. Teoreticheskaya grammatika sovremennogo nemetskogo yazyka: ucheb. dlya vuzov [Theoretical grammar of contemporary German language: textbook for university students]. Moscow: Akademiya, 2004.
12. Glovinskaya M. Ya. Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb]. Moscow, 1982.
13. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrative [Semantic studies. The semantics of time and tense in Russian language. The semantics of the narrative]. Moscow, 1996.
14. Zel'dovich G. M. Voprosy yazykoznaviya. 2002. No. 3. Pp. 30–61.
15. Beloshapkova T. V. Kognitivno-diskursivnoe opisaniye kategorii aspektual'nosti v sovremennom russkom yazyke: avtoref. d-ra filol. nauk. Moscow, 2008.

Received 01.04.2015.